

Грачева, И. В. «В полях забытые усадьбы...»: Баловнево и его владельцы / И. В. Грачева // Наука и жизнь. – 2012. – № 4. – С. 31-38.

Одной из достопримечательностей бывшего Данковского уезда Рязанской губернии (ныне Липецкой области) издавна считалось село Баловнёво. По преданию, своё название оно получило от фамилии казачьего рода, который в XV–XVI веках нёс службу на южном порубежье Рязанских земель и был награждён здесь помещьем.

В 1615 году данковский атаман М. И. Баловнёв повёл на Москву взбунтовавшихся казаков, недовольных неуплатой жалованья и посягательством правительства на их «волношку». Мятеж был подавлен, Баловнёв казнён, а его имение конфисковано. Во всяком случае, в писцовых книгах за 1628–1629 годы у села уже значатся новые владельцы: «вотчинник Степан Михайлов сын Рельнёв да помещик Демид Муромцев», получивший «половину того села». А в селе том всего и было «девять дворов крестьянских да семь дворов бобыльских», а ещё три лачужки нищих, которые «питаютца у церкви Божий»...

Прошёл век XVII, и XVIII перевалил за половину. Потомки Демиды Лавровича Муромцева служили и стольниками, и воеводами, но лишь его праправнуку, Матвею Васильевичу, родившемуся в 1734 году, суждено было стать заметной фигурой среди русского дворянства XVIII века. Воспитанник петербургского кадетского корпуса, он затем совершенствовал знания по военному делу за границей. Вернувшись домой, участвовал в Русско-турецких войнах Екатерининского времени. Его бесстрашие, инициативность и отличное знание военной инженерной науки высоко оценил сам генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев, представив Муромцева в 1775 году к Георгиевскому ордену.

Екатерина II не жаловала Румянцева, а вот его протеже пришёлся ей по нраву. В конце 1770-х годов она назначает Матвея Васильевича Муромцева губернатором Тулы при тогдашнем наместнике Рязанском, Тамбовском и Тульском – М. Н. Кречетникове. По словам Андрея Тимофеевича Болотова (А. Т. Болотов – талантливый учёный-самоучка, основавший русскую школу агрономии и садово-паркового искусства. Он оставил интереснейшие «Записки» о своём времени и окружавших его людях. (См. «Наука и жизнь» № 1, 2010 г., «Дворянин из Дворянинова»), тульский губернатор отличался «ласковым со всеми обхождением», а с самим Болотовым обращался «не как с подчинённым, но как с добрым приятелем». Сблизили их заботы о возведении в Богородицке под Тулой великолепного дворцово-паркового комплекса для внебрачного сына Екатерины II А. Г. Бобринского.

В Баловнёве в это время стоял лишь небольшой деревянный домик, где тихо доживали свой век отец Муромцева, отставной капитан Василий Яковлевич, и его супруга Авдотья Александровна (урождённая Бибикова).

А у Матвея Васильевича, женившегося на Екатерине Яковлевне Засецкой, один за другим появляются дети. Ещё в конце 1770-х годов он

начинает в имении грандиозное строительство: возводит пышный каменный дом-дворец, соединённый колоннадами с павильонами, въезд в усадьбу украшает парадными воротами из красного камня с белым декором и вазонами наверху... Неузнаваемо преображается неудобная, дикая местность. Глубокие овраги превращаются в роскошный каскад из 13 прудов с белокаменными водостоками, изящными мостиками и гротами. На 96 десятинах поднимается пейзажный парк, обновляется сад.

В 1780 году Матвею Муромцеву сорок шесть лет, и он выходит в отставку в чине генерал-поручика, признавшись по-приятельски Болотову, что хочет «жить на свободе и заниматься своими затеями» по благоустройству имения. В последний год службы губернатора Болотов побывал в Баловнёве и с восхищением рассказывал: «Матвей Васильевич был мне очень рад и, зная моё любопытство, заводил меня по своим садам, зверинцам, прудам и строениям, до которых был он почти до безумия охотник, и я повсюду находил у него множество хорошего и любопытного». На второй день, уставший от ходьбы, гость «без чинов» запросил пощады. После обеда Муромцев с увлечением «начал показывать... все свои книги с рисунками и чертежами и все редкие картины, какие он имел у себя в доме».

Любил наезжать в Баловнёво и наместник Кречетников с многочисленными гостями. Сын Муромцева Матвей Матвеевич вспоминал: «Отец мой сделался великим хозяином <...> и хозяйство его велось как у человека просвещённого. Везде по деревням строил он дома каменные, крытые черепицей, везде завёл фруктовые сады. <... > В нескольких имениях устроил винокуренные заводы, суконные фабрики и кожевенное производство». По обычаю того времени, у Муромцевых свой крепостной оркестр, певчие и актёры. По зимам семья жила в Москве, где в Немецкой слободе ей принадлежали деревянный и каменный дома. В каменном «всё было изящно: стены разноцветных мраморов, везде паркет, золочёные замки, штофные французские обои. Мрамор работал Кампиони, только что приехавший из Италии...»

Екатерина Яковлевна скончалась ещё молодой, оставив семерых детей. И Муромцев впал в «страшную ипохондрию», от которой его безуспешно лечили и столичные медицинские светила, и Болотов с помощью своей «электрической машины» – некоего подобия электрофореза. Исцелила же его новая влюблённость и женитьба на Екатерине Александровне Волковой, которая, по словам современников, была «великая музыкантша и... необыкновенная певица». По семейным преданиям, сам Моцарт посвятил юной Екатерине, которая была знакома с великим композитором, сонату, но она, «к несчастью, утратилась».

Московский дом Муромцева стал модным музыкальным салоном, где выступали и знаменитости и любители. У Екатерины Александровны было и ещё одно увлечение – она упорно «собирала разные китайские статуйки, чайники, шкалики, столы» и в Баловнёве устроила удивительные «Китайские комнаты». Любила цветы и экзотические растения, интерьеры московского и баловнёвского домов утопали в цветущей зелени.

Вместо прежней, разрушающейся, Матвей Васильевич начал возводить в Баловнёве усадебную Владимирскую церковь. Работы затянулись чуть не на десятилетие. Церковь, увенчанная двумя колокольнями, выходила нарядной, хотя и весьма непривычной для российской глубинки. С. П. Жихарев рассказывал в этой связи курьёзную историю про свою бабушку, княгиню Барятинскую, тоже данковскую помещицу. Она была дружна с Матвеем Васильевичем, но вдруг рассорилась с ним, сочтя его «фармазоном», потому что он не только возводил храм, не соответствующий исконным русским традициям, но и «в приделах великолепной церкви своей устроил печи».

Проект церкви искусствоведы приписывают известному архитектору В. И. Баженову. Возможно, правда, что надзирал за строительством и вносил в него какие-то собственные элементы живший в усадьбе архитектор-голландец Вержен. Да и сам Муромцев, отличный инженер, мог корректировать по своему усмотрению начальный план. Расписывал церковь живописец А. Бранстетер, некогда служивший у князя Г. А. Потёмкина. Он же по случаю праздников в усадьбе запускал затейливые фейерверки – ими любоваться съезжались все окрестные помещики.

Матвей Васильевич боготворил императрицу Екатерину, благодаря которой вышел в вельможи, и горько оплакивал её кончину. Торжественный въезд Павла, прибывшего в Москву на коронацию, Муромцев наблюдал из окон дома своего приятеля графа А. Г. Орлова. Но представляться новому государю не захотел, притворившись больным, хотя Павел желал его видеть. Среди собрания своих редкостей Муромцев благоговейно хранил картину В. Л. Боровиковского, изображавшую Екатерину II на прогулке в Царском Селе. Своенравный помещик пережил свою благодетельницу лишь на три года.

В сентябре 1799 года, когда торжественно освящали церковный Никольский придел, местный священник Филат (он слыл в округе прозорливцем) предрёк скорую кончину ещё крепкому и отличавшемуся завидным здоровьем 62-летнему барину. И действительно, уже через шесть недель здесь же служили по нему заупокойный молебен... Баловнёво после семейного раздела осталось под управлением Екатерины Александровны. И строительство церкви пришлось завершать её сыну, Матвеем Матвеевичу.

Матвей-младший вспоминал, что сыновей в их семье воспитывали со спартанской суровостью: «Шуб мы не знали и в мороз бегали в каких-то байковых сюртуках». В 16–17 лет каждого отправляли на военную службу. Семнадцатилетний сын Матвея Васильевича от первого брака Павел участвовал в Польском походе А. В. Суворова (1794). Серьёзно раненный, он вынужден был отправиться на лечение в Германию, а чтобы не терять времени даром, посещал занятия в университете Лейпцига.

Юному Матвею, попавшему с братом Петром в лейб-гвардии Измайловский полк, довелось испытать тяготы двух войн с Наполеоном: 1807 и 1812–1814 годов. В первой он выслужил офицерский чин. Но вскоре его постигла царская опала, впрочем как и других молодых людей, входивших в столичный кружок либеральной офицерской молодёжи,

собиравшейся у поручика М. А. Фонвизина. Всё началось с желания послужить Отчизне и совершенствоваться в военных науках в предчувствии неизбежности второго, более грозного столкновения с наполеоновской Францией. А кончилось оппозиционными настроениями, «вольными речами» и изданием «Военного журнала», в котором критиковали не только армейские, но и государственные порядки. Молодых фрондёров немедленно разослали по окраинным гарнизонам, Муромцева отправили на службу в Финляндию.

Война 1812 года принесла семье Муромцевых немало горя. Матвей, адъютант А. П. Ермолова, при обороне Смоленска получил тяжёлое ранение в голову. Ермолов, стараясь спасти молодого офицера, обратился к личному медику государя, Вилье. Но пулю извлечь не удалось, и тот заявил, что бедняга при смерти, а если чудом и выживет, его ждёт неминуемое сумасшествие.

Екатерина Александровна, узнав о приближении французов к Москве, выехала в Баловнёво, захватив с собой лучшие из ценностей московского дома. Каково же было её отчаяние, когда в усадьбу неожиданно привезли её сына Матвея почти в безнадежном состоянии и тяжело раненного пасынка Александра. Однако заботливый уход, молодость и живительная сельская природа помогли обоим подняться на ноги. Братья решительно объявили, что не могут отсиживаться в имении, когда решается судьба Отечества. И хотя рана Матвея ещё не закрылась, он в апреле 1813 года, истощённый болезнью, мучающийся от головных болей, в повязках помчался догонять свой полк. (Лишь через десяток лет пуля обнаружится, спустившись к пояснице и выйдя под кожу.)

Войну Матвей завершил в чине штабс-капитана с тремя орденами (один из них был прусский). Но матери его не довелось порадоваться великой победе и обласкать вернувшихся сыновей. Она скончалась незадолго до взятия русскими войсками Парижа.

Матвей вспоминал: «Мы с братом были поражены расхищением всего, что было в доме». Разорение учинил не неприятель, который до этих мест не дошёл, а собственный управитель, обязанный беречь доверенную ему усадьбу. Исчезло столовое серебро вместе с роскошным старинным сервизом на 60 персон, редкости «Китайских комнат», пострадало богатое собрание библиотеки и картинной галереи. Сам дом оказался заложен, и на нём висел долг в 150 тысяч.

И вдруг известие: Наполеон, отправленный в изгнание на остров Эльба, вновь во Франции и собирает войска. Матвей Муромцев вернулся в полк и стал свидетелем окончательного краха замыслов Наполеона, расстрела его прославленного маршала М. Нея – русские офицеры пытались ходатайствовать о его помиловании, но безуспешно. Своей отвагой и доблестью маршал снискал уважение и популярность не только во Франции, но и у своих противников.

И вот война позади, и А. П. Ермолов отправляется в Орёл погостить у своих родителей, захватив с собой любимого адъютанта. Здесь на светских

вечерах с Матвеем знакомится и страстно влюбляется в него одна из богатейших местных невест – Варвара Петровна Лутовинова. Она решительно приступает к завоеванию его сердца. Пригласив Матвея в своё поместье Спасское, старалась всячески угодить ему – и изысканными обедами, и сельскими развлечениями, и постановками домашнего театра. А в честь именин Матвея она устроила грандиозный праздник «с иллюминацией» и поднесла в дар купчую на елецкое имение в 500 душ. Бравый офицер пришёл в великое смущение, смекнув, к чему идёт дело. Купчую он порвал и ночью тайком сбежал из чересчур гостеприимной усадьбы.

Варвара Петровна недолго оставалась неутешной и вскоре «купила» себе мужа – холодного красавца С. Н. Тургенева (от этого брака и родился знаменитый романист И. С. Тургенев). А Матвей Муромцев, повенчавшись с Варварой Гавриловной Бибиковой, в 1816 году вышел в отставку, чтобы основательно заняться восстановлением Баловнёва. Однако Александр I, помнивший и отличавший Муромцева, выразил настойчивое желание, чтобы тот вернулся на службу.

За время правления Александра I и Николая I Матвей Матвеевич побывал вице-губернатором Владимира, Тамбова, Саратова, управлял Таврической губернией, избирался рязанским губернским предводителем дворянства. Однажды случайность чуть не погубила его карьеру.

В 1813 году в заграничном походе Матвей Муромцев вступил в масонскую ложу Святого Георгия, возникшую при русской армии, а после войны стал членом московских масонских организаций, в которых зарождалось декабристское движение. Матвей вспоминал: «Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проекты перемены администрации и думали даже о низвержении настоящего порядка вещей». Во время восстания он находился в Баловнёве, но домашний учитель П. Перелогов, надеясь получить награду, донёс губернатору Москвы Д. В. Голицыну о политической неблагонадёжности своего хозяина и антиправительственных речах, которые звучат в усадьбе, когда там собираются гости. И хотя следствие установило, что Муромцев действительно «не хвалит правительство», однако благодаря заступничеству губернатора и царскому благоволению дело о рязанском крамольнике было закрыто.

В семейной жизни Матвея Матвеевича было более утрат, чем радостей: он похоронил сына и двух дочерей. Видимо, этим во многом объяснялись его усердные заботы о новой отделке Владимирской церкви, под которой находилась родовая усыпальница.

Сын Леонид Матвеевич разделял не только заботы отца об имении, но и его либеральные убеждения. В Баловнёве были устроены больница и школа для крестьян. Леонид Матвеевич, учившийся в Московском университете и начинавший службу в канцелярии московского военного губернатора, сдружился с лидером славянофилов А. С. Хомяковым, у которого в Данковском уезде было имение в селе Ивановском. И он часто наезжал в Баловнёво, знакомясь с опытом его отца, Матвея Матвеевича, слывшего

образцовым хозяином, открывшим у себя один из первых в округе сахароваренных заводов, сырьём для которого служила сахарная свёкла. И, видимо, под его влиянием Хомяков тоже занялся в Ивановском сахароварением.

В письме 1858 года Хомяков сообщал Леониду, находившемуся за границей, что Россия бурлит, узнав о готовящейся крестьянской реформе, и что Матвей Матвеевич, в отличие от многих помещиков, «очень сочувствует» этому начинанию. Когда в сентябре 1860 года Хомяков заболел в Ивановском холерой, он послал нарочного в Баловнёво. Леонид Матвеевич тут же примчался в Ивановское и самоотверженно ухаживал за другом, стараясь его спасти. Но все усилия были тщетны.

Матвей Матвеевич Муромцев ушёл из жизни в 1879 году, преодолев 90-летний рубеж. По словам родных, он до глубокой старости сохранял бодрость и энергию и, пока были силы, любил зимой кататься на коньках на баловнёвских прудах.

Леонид Матвеевич, дослужившийся до тайного советника и почётного звания гофмейстера двора, с 1878 года и до кончины в 1899 году был бессменным рязанским губернским предводителем дворянства. Много сил и средств положил он на реставрацию и сохранение усадебного комплекса в Баловнёве – одной из местных архитектурных жемчужин. При нём поместье украсила изящная водонапорная башня в готическом стиле.

После реформы имение существовало за счёт доходов, которые приносили винокуренный завод, водяная мельница, фруктовый сад в 29 десятин, сдававшийся в аренду, продажа сельскохозяйственной и молочной продукции. Муромцевы держали до 200 голов элитного молочного скота и торговали в Данкове и окрестностях маслом. Занимались также коневодством и продажей садовых и парковых саженцев из своего питомника.

В справочнике «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» за 1902 год можно найти такую оценку баловнёвского поместья: «Одно из наиболее превосходно устроенных дворянских имений».

Пополнялся и муромцевский домашний музей. Супруга Леонида Матвеевича княжна Екатерина Николаевна Голицына была в родстве с А. Н. Голицыным, другом Александра I, ставшим министром просвещения. Один из современников, П. П. фон Гёце, писал, что именно от него к Муромцевым попали личные вещи Екатерины II: трость, перчатки, опахало и другое. В 1902 году Гёце сообщал: «Всё это доселе хранится в селе Баловнёве».

Но передать огромное, хорошо поставленное баловнёвское хозяйство, составлявшее более трёх тысяч десятин земли, оказалось некому. Баловнёво являлось майоратом, неделимым имением, переходившим к старшему наследнику в семье. У Леонида Матвеевича был единственный сын Николай, любимый крестник деда Матвея Матвеевича. Он выслужил чин действительного статского советника и звание камергера, с 1884 года постоянно избирался данковским уездным предводителем дворянства, был

женат на Софье Петровне Голицыной, но ушёл из жизни на два года раньше отца, сорока с лишним лет, не оставив наследника.

Леонид Матвеевич и его супруга завещали поместье родственнику, Александру Николаевичу Волкову, который выхлопотал высочайшее позволение носить двойную фамилию – Волков-Муромцев – и наследовать фамильный герб пресекавшегося рода. Однако хозяйственной предприимчивости, свойственной прежним владельцам Баловнёва, у него не было. Он обучался в Дерптском и Гейдельбергском университетах, имел учёные степени доктора философии и доктора естественных наук, служил в Новороссийском и Одесском университетах, женился «на девице английской подданной Алисе Гор» и имел двух сыновей.

А. Н. Волков увлекался живописью, любил писать пейзажи акварелью и маслом (шесть из его работ находятся в собрании Третьяковской галереи). Выйдя в отставку в 1880 году, он подолгу жил за границей, там и остался после революции. А баловнёвский дворец исчез в беспощадном пламени пожаров 1918 года. Видимо, вместе с ним погибли выполненные В. А. Тропининым портреты Матвея Матвеевича Муромцева и его сына Леонида, которые безуспешно разыскивают искусствоведы.

Даже сейчас, находясь в полном запустении, Баловнёво производит большое впечатление. Ещё стоят осыпающиеся от времени усадебные ворота, к которым от церкви ведёт вымощенная встарь дорога. Полуразрушенный Владимирский храм по-прежнему является одним из самых ценных архитектурных памятников этого чернозёмного края. Сохранилась изящная и романтическая водонапорная башня. В разросшейся зелени заброшенного парка загадочно мерцают зеркала прудов. По их берегам высятся кое-где вековые деревья, свидетели яркой, насыщенной событиями и эмоциями жизни, которая когда-то текла здесь... Церкви в Баловнёве и Воейкове в XX веке были объявлены ценностями республиканского значения. Но спасёт ли это их от полного исчезновения в наше суровое время?